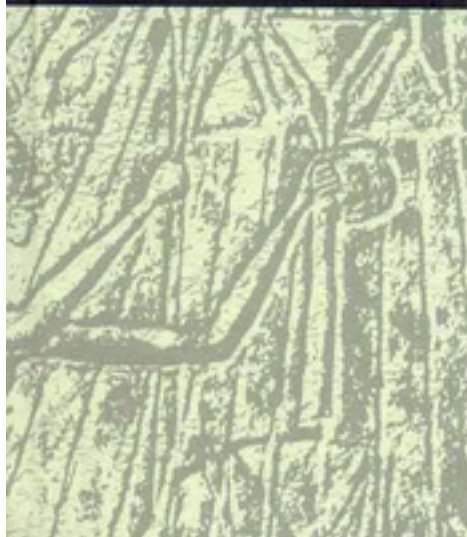

ЭВЕЛИН
УЭЛЛС

НЕФЕРТИТИ

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА
ДВУХ ЗЕМЕЛЬ

Nomen est **omen**

ЦЕНТРОПОЛИС

Эвелин Уэллс

**Нефертити. Повелительница
Двух Земель**

«Центрполиграф»

Уэллс Э.

Нефертити. Повелительница Двух Земель / Э. Уэллс —
«Центрполиграф»,

Эта книга – всесторонний рассказ о царице Египта, жившей во втором тысячелетии до н. э., верной последовательнице новой религии и вдохновительнице искусства Нового Царства. Зримо и ярко повествуется о деятельности фараона-реформатора Эхнатона и всех аспектах общественной жизни того времени. Немало интересного читатели узнают о секретах обольщения, известных египетским красавицам, религиозных обрядах, тайнах дипломатии и дворцовых интригах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эвелин Уэллс

Нефертити. Повелительница Двух Земель

Глава 1

ЕГИПЕТ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

Тель-эль-Амарна, 1912 год н. э.

Открытие было сделано вскоре после полудня 6 декабря 1912 г. на месте давно исчезнувшего города Амарны, находившегося между Мемфисом и Фивами в Среднем Египте. После обеда, состоявшего из хлеба и фиников, возобновились раскопки на улице Скульпторов, где феллахи под ритмичное пение поднимали и опускали кирки и лопаты.

Но профессор Людвиг Борхард был все еще погружен в глубокий послеполуденный сон в своей хижине, притулившейся на краю котлована. Это был маленький человечек с массивной головой, покрытой копной волос, с которой он даже и не пытался справиться. Он был одним из лучших археологов, когда-либо проводивших раскопки в Египте, руководителем немецкой экспедиции, известной как Немецко-восточное направление, которая вот уже два года вела раскопки в Амарне.

В течение трех тысячелетий не было никаких сведений об Амарне и ее истории. Сохранялась лишь легенда о величественном городе, когда-то стоявшем на берегу Нила, однако никто не знал ни где он находился, ни почему возник, словно мираж, между двумя пустынями, ни каким образом таинственно исчез.

В начале XIX века, на пустынной полосе темно-желтых песков, защищенной с востока полукругом неприступных холмов, а с запада – рекой, феллахи из близлежащей деревни Эль-Амариех начали находить фрагменты неизвестных глиняных, с удивительным искусством вылепленных статуэток и построенные из нильского необожженного кирпича стены зданий. Место это, по имени близлежащей деревни, стали называть Тель-эль-Амарной, а позже – просто Амарной.

В XIX веке сюда на верблюдах приезжали туристы, чтобы собрать мелкие, но изысканные обломки стеклянных, глиняных и фаянсовых изделий и статуэток из расположенных рядом захоронений, картуши, каменные и глиняные таблички, покрытые письменами, которые никто не мог прочесть. Все они были образцами искусства неизвестного периода египетской истории. С этими рассеянными по миру сувенирами была утрачена большая часть истории Амарны.

На некоторых из этих предметов были написаны имена царя и царицы, о которых не упоминалось в египетской истории. Их имена интриговали: Эхнатон и Нефертити. О них ничего не было известно, за исключением того места, где они, вероятно, жили.

И все же охота за сувенирами сыграла и положительную роль. Она привлекла к этому месту внимание археологов. В те времена археология была новой наукой, а Египет – идеальным местом для подобных исследований. Теплый сухой климат и пески сохранили произведения древнего искусства.

Катализатором, способствовавшим открытию Амарны, послужил многогранный гений Александра фон Гумбольдта, уроженца Германии, который снискал славу не только в качестве натуралиста, путешественника, государственного деятеля, но и переводчика (последователя Шампольона, «отца египтологии») египетских иероглифов. В конце своей длинной, насыщенной событиями жизни он узнал об открытиях, сделанных в Амарне, и убедил короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV послать в это место экспедицию. Возглавил ее блестящий молодой ученый и друг Гумбольдта Рихард Лепсиус, ставший великим немецким археологом.

Немецкая группа начала раскопки в 1843 году. Трехлетние поиски привели к обнаружению когда-то огромного города, о котором ничего не было известно, хотя он был одним из величайших городов Древнего мира. Сохранившиеся на равнине фундаменты помогли установить, что некогда здесь были храмы, дворцы, общественные здания и великолепные виллы, прекраснейшие из когда-либо возведенных в Египте. Надгробные обелиски, надписи и мемориальные доски свидетельствовали, что когда-то, еще в те времена, когда страна была одной из величайших империй мира, здесь был город Солнца, столица Египта. Он был построен в XIV столетии до Рождества Христова величайшим религиозным реформатором, называвшим себя царем Эхнатомом, жена которого, по сохранившимся фрагментам описаний, была признана красивейшей из женщин.

Так среди пустыни родилась легенда о царице, чьи красота, ум и привлекательность сделали ее самой известной женщиной своего времени. Однако никто не знал ни как она выглядела, ни каким образом протекала ее жизнь.

Имена царицы и ее мужа были вычеркнуты из списка египетских царей. Эхнатон упоминается лишь однажды, в документах девятнадцатой династии, непосредственно за ними следовавшей, и то лишь в качестве «преступника из Амарны».

Все открытия свидетельствовали о том, что Амарна была построена именно этими мужчиной и женщиной, и исключительно для себя. Найденные фрагменты изображают отдельные части их лиц и тел: ухо, кисть, палец ступни, его четко очерченный рот фаната, ее возбуждающие губы, ее изящный торс, нос, грудь, вырезанные из камня. Что же случилось, почему памятники, скульптуры и надгробия были вдребезги разбиты, а имена Эхнатона и Нефертити на века вычеркнуты из истории?

Город Амарна не был разрушен временем. Он не разрушался постепенно, как случилось с большинством из исчезнувших городов. Конечно, построенные из необожженного кирпича стены за долгие годы пострадали от действия песков, но вначале, как установили раскопки, город был снесен с лица земли.

Не природные бедствия, а жестокость людей привела к почти полному уничтожению когда-то великого города.

Амарна была построена – и бессмысленно разрушена – всего за каких-то двадцать лет!

Подобному вандализму не было объяснений. Богатейший, с высочайшей культурой, прекраснейший город мира был разрушен до основания почти сразу после постройки. Никто не знал, что за люди были Эхнатон и Нефертити и почему неизвестные враги постарались уничтожить все свидетельства существования как их самих, так и их города. В городе жили тысячи людей. Что с ними произошло?

Развалины Амарны не походили на развалины других древних городов. Последние в большинстве случаев состояли из нескольких уровней: по мере того как они уходили в землю, на их месте вырастали новые постройки. В Амарне был только один уровень. Его крепкие цементные фундаменты заливались в песок почти так же, как это делается в наши дни, а на их основе был возведен сказочный, уникальный город.

Группа Лепсиуса отслала свои находки в Берлин. Интерес к мистически исчезнувшему царю и его прекрасной жене нарастал. Однако слишком многое было похищено охотниками за сувенирами. Покой с низкими потолками и гробницы в скалах близлежащих холмов были полностью разграблены. Немецкая группа решила, что Амарна пострадала безнадежно, что они не найдут ничего ценного, и покинула город.

На территории Египта делалось множество археологических открытий, другие места сулили сокровища, и вскоре Амарна была забыта.

Однако имя Нефертити не стерлось из памяти людей. Прекрасная исчезнувшая царица оставалась самой пленительной тайной Древнего Египта.

В 1887 году одна египтянка (Леонард Коттрелл и некоторые другие исследователи считают, что это была женщина) из близлежащей деревни, решив накопать удобрений в одном из найденных археологами помещений, наткнулась на склад прогнивших деревянных сундуков. Их гипсовые крышки отвалились, и в течение длительного времени никто не знал, что на этих крышках стояли имена царя Эхнатона и его знаменитого отца Аменхотепа III.

Сундуки были заполнены исписанными глиняными табличками, но ни сама женщина, ни те, кому она их показывала, не разобрали иероглифов и не могли догадаться о том, что на них были нанесены имена двух царей.

Женщина была необразованной крестьянкой, однако все египтяне знают, что предметы старины могут обладать большой ценностью. Поэтому она запихнула глиняные таблички в мешки (таким образом многие из них повредились) и привезла в деревню. В Эль-Амариехе, руководствуясь принципом, что чем больше кусков, тем больше денег, многие из более крупных табличек она разломала на мелкие куски, что сделало их практически недоступными для расшифровки.

Затем находки были доставлены в находящееся под французским контролем Управление раскопками и древностями Каирского музея, где специалисты не придали им большого значения. В то время со всего Египта в музей стекалось так много красивейших и ценнейших находок, что в этом бесконечном потоке никто не заметил достоинств обычных табличек из нильской грязи, покрытых мелкими, почти стершимися значками, которых никто не знал. Эксперты музея отделались от них, считая подделкой.

Французские антиквары в Париже подтвердили египетское заключение: эти таблички ничего не стоят.

Их обменивали и легкомысленно продавали, считая негодными, а тем временем глина постепенно крошилась. Все оставшиеся за ничтожную сумму купил оптом один делец и возил в мешках по всей стране, продавая в качестве «древних сувениров».

К этому времени специалисты из Каирского музея опомнились и осознали, что у них между пальцами просочилось одно из величайших литературных сокровищ всех времен, и предприняли шаги, чтобы собрать таблички и вернуть обратно. Однако многие из них были уже проданы, украдены или разрушены. Вместе с ними была утеряна большая часть истории Амарны, Нефертити и Эхнатона.

Их осталось всего лишь 377. 60 были удержаны Египтом, 180 отправлены в Берлинский музей, а остальные – в Британский музей.

Это все, что осталось от знаменитых амарнских писем, большую часть которых составляли письма царю Эхнатону от царей Ниневии, Вавилона, Ханаана и Митанни во время правления Эхнатона и Нефертити и их пребывания в Амарне.

Попав к экспертам, письма тщательно изучались в течение многих лет. История трагедии, которая обрушилась на Амарну, постепенно прояснялась, вызывая удивление, каким чудом смогли спастись эти хрупкие глиняные таблички.

Возможно, чтобы скрыть царскую переписку, какой-то скромный чиновник рисковал жизнью. Может, это был Ай, бывший царский писарь, в ведении которого находились царские письма, многие из которых были им же и написаны. А может, это была сама Нефертити, стройная и гордая богиня, царица и героиня разыгравшейся ужасной трагедии, которая перед лицом наступающего врага, окруженная рабами, приказала захоронить переписку царя, которого она так любила.

Если это правда, то окончательная победа осталась за ней. Враги были уверены, что стерли с лица земли все следы любящей царской четы. Переведенные таблички вернули к жизни личности великих царя и царицы, а вместе с ними и одну из важнейших эр в истории Древнего Египта. Насыщенный событиями период истории был восстановлен и дополнен образами давно забытых героев, злодеев, картинами интриг, завоеваний, поражений и разби-

тых сердец. Теперь мы знаем, что в Амарне жили мужчина и женщина, горячо любившие друг друга, поклонявшиеся красоте и правде, бросившие вызов древним ужасным богам и, ведомые мечтой, покинувшие свой мир.

Таблички были маленькими, сделанными из обожженной глины, по форме и размерам напоминающие современные бисквиты для собак. С обеих сторон они были покрыты мелкими, выполненными вручную письменами. Многие слова были написаны красными чернилами и аккуратно разделены/таким/образом/с/помощью/вертикальных/линий.

На некоторых остались отпечатки пальцев, и, кто знает, может быть, один из них принадлежал Аю?

У египтян не было настоящих историков, эта роль отводилась хранителям документов. Вся история Египта в виде жизнеописания людей содержится в высеченных на камне буквах и изображениях. Выдающиеся подвиги запечатлевались на гробницах. Этим всю жизнь пользовались цари, записывавшие свои достижения на стенах захоронений. Их хвастовство сохранило большую часть истории Египта.

Ко времени написания амарнских писем письменность в Древнем Египте существовала уже несколько тысячелетий.

Коттрелл назвал письмо «величайшим из всех египетских изобретений». Он и некоторые другие ученые считают, что буквы латинского алфавита, «взятые у римлян, которые позаимствовали их у греков, которые, в свою очередь, получили их от финикийцев, являются упрощенным вариантом более сложного египетского письма». Двадцать шесть букв, которыми сегодня пользуются, «происходят от примитивных пиктограмм, изобретенных жителями дельты Нила около шести тысяч лет назад».

Ранее считалось, что для скорописи использовалась вавилонская клинопись, теперь же впервые стало известно, что дипломатическая переписка Египта времен Нефертити велась на семитско-аккадском диалекте. Ассирийской клинописью были написаны лишь письма царя Митанни.

Пока еще эта информация поддерживала интерес к Амарне, но обнаружение табличек казалось максимумом того, что можно было извлечь из этого места.

Затем, в 1906 году, в каирских антикварных лавках начали появляться прекраснейшие, уникальные предметы из фаянса, мрамора и глины. Они настолько отличались от предметов искусства, ранее найденных в Египте, что опять привлекли внимание немецких археологов, которые пришли к волнующему заключению, что Амарна должна была быть крупным центром утерянного искусства, а построивший ее Эхнатон был Периклом Египта XIV века до н. э.

Под руководством профессора Борхардта была организована немецкая археологическая экспедиция, и с 1910 года начались серьезные раскопки в Амарне. Архитектурный слой был тонким, но содержал удивительные богатства. Так, например, стало понятно, что Амарна была тщательно и с любовью спланирована отличным архитектором; фактически это был первый в мире спроектированный город.

Зима 1912 года была для немцев особенно удачным сезоном. Они сделали невероятные находки. Разрывая улицу Скульпторов, они наткнулись на разрушенные помещения дома скульптора, этой древней сокровищницы. Низкие сломанные стены из необожженного кирпича – вот все, что осталось от студии великого амарнского скульптора Тутмеса. Здесь, под покровительством царя Эхнатона, окруженный талантливыми учениками, Тутмес увековечивал в мраморе, гипсе и известняке своих великих и не очень великих сограждан.

Сама мастерская и открытая площадка рядом с домом (задний двор, куда школа выкидывала свой хлам), явились неистощимым кладезем высокого искусства. Среди других ценных находок там были обнаружены статуя лошади и голова пожилой царицы.

Эта последняя находка была особенно интересна, поскольку древние египтяне питали пристрастие к юности и редко изображали пожилых людей. Как и размеры их тел, сроки их

жизни были меньше, чем у нас. Поэтому редкий скульптурный портрет пожилой женщины является особенно важным. На лбу у нее уреус, священная змея, атрибут царской власти. Считается, что это голова очаровательной царицы Тиу, свекрови и близкой подруги Нефертити, созданная во время ее исторического визита в Амарну.

Многие работы явно являются неудачными попытками. Другие – скорее всего, макеты выдающихся скульптур, которые должны были быть установлены в общественных местах Амарны, а позже разрушены врагами Эхнатона и Нефертити. Именно здесь, в мастерской, под слоями гранитной пыли и защитой теплого песка, таким же чудом, как и амарнские письма, сохранились бюсты почтенных горожан, чьи имена упоминались в документах и письмах. Уже знакомые имена были написаны и на бюстах.

Несомненно, эти скульптуры были слеплены с живых людей, на многих из них были подписи в виде иероглифов, причем часть надписей была исправлена черными чернилами рукой мастера Тутмеса. Их подлинность не вызывает никаких сомнений.

Помимо прочего, в доме скульптора были найдены наброски и небольшие модели изысканных похоронных принадлежностей. Этой находке не придавалось значения в течение десяти лет, до тех пор, пока в Фивах не была найдена гробница царя Тутанхатона – в ней оказались модели утвари, сделанной в Амарне и найденной в его захоронении. Захоронение мальчика-царя, изначально планировавшееся в Амарне, является окончательным и самым достоверным свидетельством тех условий жизни, которые существовали во времена Нефертити.

Студия скульптора оказалась неистощимой. Восхищенные немцы одно за другим открывали утраченные лица великих и неизвестных, молодых и среднего возраста мужчин и женщин. Фрагмент за фрагментом изгнанные горожане Амарны возвращались обратно в историю, их лица поднимались из пыли веков. Были найдены осколки головы Эхнатона со странными мягкими, фанатичными чертами лица и не дающие возможность восстановить облик куски скульптуры его любимой жены Нефертити. Однако ни один из них не мог служить полным доказательством ее потрясающей красоты, которая вдохновляла художников и поэтов тридцать веков назад.

Итак, мы находимся в Амарне 6 декабря 1912 года, время – вторая половина дня, после обеда профессор Борхардт спокойно спит на своей койке, и ему снятся удивительные находки – возможно, всем археологам должны сниться сны, что их бесконечное копанье в пыли когда-нибудь увенчается успехом.

Запомните имя их прораба – Мохаммед Ахмес Ес-Сенусси, он первым заметил среди песка золотой отблеск фрагмента цвета человеческой кожи!

Он вскрикнул и поднял руку. Кирки и совки были отложены, рабочие собрались в круг и стали ждать, пока носильщик сбегает за профессором.

Вскоре профессор Борхардт уже мчался вверх по улице Скульпторов на своих коротеньких ножках и через несколько минут влетел на место раскопок. Откидывая с высокого лба прядь густых волос, он упал на колени в том месте, которое указал ему Мохаммед. Чуткими тренированными пальцами, песчинка за песчинкой, задерживая дыхание, профессор смел песок с находящегося в глубине предмета. Именно ради этого момента люди его профессии копают землю, страдают, молятся.

Под легчайшими прикосновениями его рук сначала появилась стройная шея, настолько искусно окрашенная, что казалась живой. Когда последняя песчинка тысячелетиями покрывавшего ее песка была сдута, показалась голова, выполненная в натуральную величину и удивительно прекрасная. Это был бюст Нефертити, который впоследствии стал самым известным, самым часто копируемым и восхитительным бюстом самой знаменитой из всех египетских цариц. Через разделявшие их три с половиной тысячи лет ее взгляд сирены встретился с глазами профессора Борхардта. Даже без подтверждающей подписи на постаменте она, казалось, утверждала: «Я – это она, Нефертити, возлюбленная, воплощение красоты».

Созданная из известняка и гипса, перед ними оказалась голова прекрасной женщины, обладавшей спокойным достоинством царицы. Голова под короной со священной змеей, свидетельством ее принадлежности к царскому роду, гордо возвышалась над шеей, напоминая стемель лотоса. Из-под накрашенных бровей смотрели большие, прозрачные и вопрошающие глаза сирены. Совершенное лицо было окрашено в цвет золотистого персика с добавлением белой извести и красного мела. Один глаз Нефертити отсутствовал. Другой был сделан из горного хрусталя, окрашенного в темно-коричневый цвет.

В течение некоторого времени исследователей обуревали ужасные сомнения: не могло ли быть так, что у царицы, считавшейся самой прекрасной в истории Египта, был только один глаз? У бюста также отсутствовали (да так никогда и не были найдены) уши, которые, видимо, обломились под тяжестью богато украшенных серег.

Профессор Борхардт пришел к заключению, что бюст являлся лишь первоначальным вариантом, а недостающий глаз просто не стали вставлять. Был ли он моделью окончательной скульптуры, которая украсила один из дворцов Амарны? И если это так, то, возможно, ее уничтожили враги вместе со всем остальным, что принадлежало Нефертити? Или бюст все еще где-то лежит, скрытый от нас египетскими песками?

Впоследствии предметы искусства, найденные в Амарне, как и сам бюст, будут широко воспроизводиться и продаваться. Большое золотое ожерелье Нефертити напоминало воротник и было украшено множеством драгоценных камней. Связующие звенья в форме лепестков говорили о ее широко известной любви к цветам. Голубой головной убор являлся ее личной царской короной. Расширяясь назад от изящно очерченного лица, он был украшен драгоценными камнями, с изображением священной змеи посередине – эмблемы высшей власти, а сзади, неожиданно и по-девичьи, был перевязан веселыми красными ленточками.

Маленькая головка под головным убором могла быть обритой. В Египте и мужчины и женщины для удобства предпочитали брить головы, а появляясь в обществе, надевали парики. Известно, что их носила и Нефертити. На скульптурной голове, найденной в Амарне, линия волос отсутствует, не нарушая классических черт лица и черепа.

Перед значимостью этой новой находки померкло даже потрясение от дома скульптора. Профессор Борхардт и его помощники знали, что это открытие прольет свет на ту область истории, которая пребывала во тьме в течение тысячелетий. Но знали они и другое – все археологические находки в Египте являются собственностью египетского правительства, а они лишь проводили раскопки с разрешения Египетской службы древностей, которая находилась в ведении французов.

Следовательно, бюст Нефертити принадлежал Египту.

Однако всем правительствам было известно, что археологи вкладывают в раскопки деньги только при условии, что им будет разрешено получить определенную долю находок. Ранее в Египте и других странах, где проводились исследования, было решено, что определенный процент от всего найденного должен принадлежать самим археологам. На ранних стадиях развития археологии тонкий вопрос о том, что кому должно было достаться, определялся с помощью простейшего метода – путем подбрасывания монетки.

В надежде на открытие немцы проводили тщательные раскопки в течение двух лет. Невозможно поверить, что в этот солнечный декабрьский полдень в Амарне профессор Борхардт, поднимавший дрожащими руками бюст, не осознавал, что сделал величайшее археологическое открытие всех времен, и не надеялся увезти его в Германию.

Позже немецкие археологи утверждали, что, когда бюст был найден, он был покрыт пятнами и разломан на две половины. Поэтому сразу было трудно определить, что это был первый подлинный портрет царицы Нефертити.

На их счастье, той же зимой в Амарне была сделана еще одна потрясающая находка: изумительное изображение Эхнатона, Нефертити и их троих детей под благотворными лучами бога солнца Атона.

В конце сезона раскопок в Амарне, когда Борхардт и его группа представили свои находки египетским властям для окончательного отбора, обе стороны согласились с равной значимостью бюста и группового портрета. По словам Борхардта, 20 января 1913 года, через месяц после обнаружения бюста, было принято окончательное решение по поводу того, какая из двух находок должна остаться в Египте.

Месье Лефевр из подконтрольной французскому правительству Службы древностей лично осмотрел находки и решил, что групповой портрет имеет большую ценность. Он был направлен в Каирский музей, в то время как бюст Нефертити с «потрясающей скоростью» был отправлен в Берлин.

О прибытии бюста в Берлинский музей в печати почти не сообщалось. Однако египтяне начали протестовать.

В то время генеральным английским консулом в Каире был не кто иной, как лорд Китчнер, преследователь «китайского» Гордона в Хартуме. По его мнению, все египетские сокровища должны были храниться в Египте или, возможно, в Британском музее.

Он с возмущением задавал вопрос: почему бюст Нефертити разрешили вывезти в Германию?

Египтяне с опозданием осознали, что, потеряв большую часть амарнских писем, они упустили и самую прекрасную из сделанных в Амарне находок. Египет негодовал, каирские власти волновались, Берлин протестовал. Мировая пресса сообщала о ходе дебатов, отчеты о ведении непримиримой борьбы занимали первые полосы газет.

Руководство Берлинского музея защищало свои права на Нефертити. В качестве аргумента они выдвигали тот факт, что профессор Борхардт и его помощники, прежде чем найти бюст, годами работали в Египте, что в момент заключения соглашения ни одна из сторон не подозревала о ценности находки и музей располагает всеми документами, доказывающими, что бюст достался немцам по справедливости и был добровольно отдан им египетскими властями.

Разгоревшиеся страсти сделали бюст Нефертити самым известным из экспонатов Берлинского музея. В Европе развернулось народное движение, требовавшее вернуть Нефертити в Египет, а в центре этой бури находилась прекрасная, маленькая, высоко поднятая головка, увенчанная короной, еще раз ставшая предметом раздоров.

Профессор Борхардт стремился вернуться в Египет, чтобы продолжить раскопки, и молил египетские власти о разрешении. Ему было отказано.

«Верните бюст нашей царицы в Египет, – заявили каирские власти Германии, – и мы с радостью позволим вам продолжить раскопки в Амарне».

Берлин отказался. Каир сделал еще одно предложение.

«Верните нашу Нефертити, – просили египетские власти, – и мы не только гарантируем немецким ученым право проводить раскопки в Амарне, но в качестве дополнительной награды пришлем в Берлин две редкие статуи египетских фараонов!»

Немецкие газеты разразились насмешливыми заголовками: «Стоят ли два царя одной царицы?»

Считается, что именно вследствие этого отказа немецкие археологи были лишены прав на раскопки в Египте, а вскоре начавшаяся Первая мировая война положила конец всем спорам, а также, на время, и всем раскопкам в Амарне.

Печаль Египта по поводу потери была смягчена новыми находками в Амарне. Кучи мусора за чертой города, которые явно служили «местом для отбросов из великого дворца», стали нескончаемым источником сокровищ: глиняной и стеклянной посуды, колец с оттисками имен царей и того, что так и не нашло своего объяснения, – человеческих костей.

В куче мусора рядом с большим храмом Атона была найдена предположительно посмертная маска царя Эхнатона. Она явно была изготовлена после смерти, поскольку ноздри царя не имеют отверстий, а глаза полузакрыты. Матерчатая повязка вокруг лба предохраняла волосы от попадания гипса. Маску не отличала удлиненная челюсть, неоднократно подчеркивавшаяся во многих карикатурных портретах Эхнатона. Это неподвижное после смерти, трагическое и жесткое лицо создает впечатление хорошего, но очень одинокого человека.

Каирский музей не лишился Нефертити. В ходе раскопок было найдено множество изображающих ее рисунков, и, самое важное, в Амарне был найден еще один ее бюст. Как и первый, он являлся эскизом, по какой-то причине не законченным скульптором, но, будучи законченным, он превзошел бы первый портрет по мастерству. На нем черты лица выглядят более классическими, шея – полней, выражение лица более теплое. Как и на всех других портретах, царственная голова высоко поднята. И если надеть на нее головной убор, она будет значительно прекраснее, чем голова, хранящаяся в Берлине.

Однако именно первый бюст послужил признанию великой и легендарной эпохи, восстановил изгнанных царя и царицу, вернув им их законное место в истории.

Из других частей Египта начали поступать сообщения о находках, которые помогали лучше понять историю и характеры Эхнатона и Нефертити. Находилось все больше свидетельств существования города Солнца, и в этом значительно помог Асуан. Обнаружение гробниц в Фивах, особенно царя Тутанхатона, царя Аменхотепа III, писца Ая и его жены, позволили установить факты, которые веками считались прекрасной легендой.

Эта книга и является попыткой восстановить биографию женщины, умершей тридцать четыре века назад.

Эксперты не всегда приходят к единому мнению. Многие вопросы остаются открытыми. Постоянно делаются новые открытия, опровергающие то, что прежде казалось несомненным. Спорят не только об именах, спорят даже о датах правления отдельных династий, хотя и относящихся к ограниченному промежутку времени.

Нам остается лишь полагаться на мнение наиболее уважаемых авторитетов, надеяться, что их не опровергнут последние открытия, и начать историю со слов «это могло быть...» или «возможно...».

И все же мы немало знаем о Нефертити.

В своей книге «Раскопки прошлого» сэр Леонард Були пишет, что археологам удалось восстановить историю Египта с поразительной точностью.

«Я думаю, – замечает он, – что мы больше знаем о жизни древних египтян в XIV веке до н. э., чем об Англии в XIV веке после Рождества Христова».

Именно в том веке и жила Нефертити.

Древние документы, предметы искусства, записи на папирусе, глиняных и каменных табличках, статуи, скульптуры и стелы, стены и гробницы послужили восстановлению истории женщины, чье лицо хорошо известно всему миру. После Борхардта многие известные археологи тщательно и неоднократно обыскивали пески Амарны. Сэр Флиндерс Петри, Говард Картер, Джон Пендлбари, Томас Пит, Генри Франкфорт и Леонард Були – все по очереди вносили свой вклад в выяснение истории Нефертити и ее прекрасного города.

Благодаря их находкам мы знаем, в какие игры она играла, какие песни любила, какие предпочитала платья, украшения, цветы, духи, пищу и вино. Знаем, в каких дворцах она жила. Мы знаем о древних Фивах и Амарне, ее городе, который был таким же выдающимся и прекрасным, как и сама Нефертити.

Мы знаем, что она была любима, мы прочли множество вырезанных на камне поэтических строк, подобных тем, что были посвящены ей Эхнатоном, ее возлюбленным, который был одновременно поэтом, жрецом и царем:

...великая царская жена, его возлюбленная,
Повелительница Двух Земель
Нефернеферуатон (Прекрасная, красота Атона)
Нефертити!
Живи и процветай вечно.

Но она была больше чем поэтический образ. Она вошла в историю в блеске великой любви и великой судьбы. Она была самой могущественной императрицей мира. Она страдала, боролась, потворствовала, но никогда не прекращала играть в ту опасную и нескончаемую игру, в которой принцессы и цари являлись пешками в отчаянной борьбе за владение Египтом. Она олицетворяла свою страну более, чем любая другая египетская царица. Чтобы понять Нефертити – нужно понять Египет того времени, в котором она жила.

Глава 2

ДВОЕ ДЕТЕЙ ИЗ ФИВ

Во дворце, 1372 год до н. э.

В те времена, когда Фивы «стовратные» были столицей Египта, то есть приблизительно в 1372 году до н. э., в Фиванском дворце на берегу Нила, как брат и сестра, подрастали двое детей.

Мы считаем, что в тот год Нефертити исполнилось одиннадцать. К этому времени судьба ее была уже предрешена, поскольку она была лучшей подругой двенадцатилетнего принца, являвшегося надеждой всего Египта. Это был Аменхотеп IV, названный так в честь своего отца, но мы будем называть его именем, которое он сам для себя выбрал, – Эхнатон.

Он был единственным отпрыском мужского пола одной из самых могущественных семей мира. То были времена Египетской империи, правление восемнадцатой династии в период наивысшего ее расцвета, самой богатой, культурной и могущественной из тех, что некогда правили в Египте. Мальчик был потомком агрессивных царей, которые расширили границы и сплотили Египет, превратив его в величайшую империю мира. Как первый и единственный сын царя Аменхотепа и царицы Тиу, он вскоре должен был быть призван к правлению Египтом.

Узколицый и узкоплечий, он был способен к фанатической концентрации. Мы знаем также, что с ранних лет его горячая привязанность была обращена на стройную девочку Нефертити с золотистой кожей.

Теперь у нас есть подтверждение легендарной красоты Нефертити. Наверное, в детстве она была очаровательным ребенком. Ее описывают как нежную, умненькую, грациозную девочку с веселым характером. Однако, помимо необычайной красоты, она должна была обладать и множеством других качеств, чтобы завоевать любовь молодого принца Эхнатона и одобрение его матери, царицы Тиу, обладавшей весьма сильным характером.

В те времена Нефертити была счастливым, юным, но уже очаровательно женственным созданием. Как все египетские дети, она носила длинную прядь волос на лбу, кокетливо свернутую в завиток над правым ухом, и искусно сделанные детские украшения: браслеты, кольца и ожерелья из золотых и серебряных бусин, окрашенных семян и множество мелких амулетов с изображениями богов. Обычно она ходила босиком или носила маленькие сандалии. Она могла носить одинарное, почти прозрачное одеяние из лучшей, тончайшей ткани, вручную сплетенной из египетского льняного волокна, но большую часть времени она ходила обнаженной, даже в присутствии царей.

Появление в обнаженном виде считалась вполне нравственным и естественным в жарком климате Египта, так ходили все дети и даже взрослые.

У нее должно было быть множество игрушек: тряпичные куклы, деревянные куклы с нарисованными лицами и подвижными руками и ногами, которых она могла нянчить, и мебель для них; попрыгунчики, марионетки и деревянные животные, состоящие из нескольких частей, которые изгибались, когда она везла их по крашенным полам дворца. Вместе с царским сыном она могла играть в подвижные игры: бегать наперегонки, прыгать или играть в игру, напоминающую современные шахматы, с забавными маленькими фигурками, хранившимися в резной коробочке из слоновой кости.

У обоих было множество подаренных им мелких статуэток. Такие статуэтки были у всех египетских детей. Они могли изображать богов или священных животных. Археологи нашли фигурки, принадлежавшие в детстве Эхнатону. Другие игрушки того же времени, но изготовленные позже – лев, олень, птицы, змеи, лягушки, рыбы, скорпионы, скарабеи и даже мухи, – были найдены в гробнице мальчика-царя Тутанхатона.

Эхнатон и Нефертити играли в больших, великолепно обставленных комнатах огромного дворца и окружающих его садах, спускавшихся к Нилу. Египетских детей никогда не исключали из жизни семьи, поэтому у Эхнатона были свои хоть и мелкие, но важные обязанности в церемониальных обрядах, являвшихся обычной частью жизни царской семьи. В обязанности Нефертити входило наблюдать за всем происходящим и находиться поблизости от царственной, но дружелюбной особы – царицы Тиу. Благодаря жизнерадостности царицы атмосфера во дворце была легкой, а поскольку египтяне уделяли много внимания детям, мы можем быть уверены, что ранние годы Нефертити и Эхнатона прошли счастливо.

Куда бы ни пошли эти двое, их сопровождала небольшая преданная свита. Мальчиком руководил Ай, жена которого, Тиу, «великая царская няня», была в ответе за маленькую девочку.

Они были окружены животными. Невозможно понять древних египтян, не поняв их отношения к животным, которые являлись для них продолжением людей и богов. Многие животные считались священными, с ними можно было играть, иногда – заставлять их работать (и даже есть), но им необходимо было оказывать уважение, поскольку они принадлежали к богам. Кошки были олицетворением богини Бает. То, что они жили во дворце и ловили мышей, являлось честью даже для царской семьи, их особенно любили за грацию и очарование. (Обычно кошек называли Миу, а овец – Баа.)

Несколькими веками позже Геродот писал: «Египтяне дадут сгореть своему дому, но непременно спасут кошку».

Что касается собак, то они были не только животным Анубиса, бога кладбищ, но с давних времен считались почетными членами семьи. У них были собственные имена, в которых отражалась лестное и любящее отношение хозяев, они носили красивые ошейники и по ночам спали в постели хозяйки.

Вероятно, все собаки произошли от одного общего предка. Но к тому времени уже было выведено несколько особенно популярных пород. Одной из них были гончие. Надев на псов широкие защитные ошейники и поводки, хозяева брали их на охоту. Другой породой были крупные, свирепые собаки, обученные защищать своих хозяев на войне. Третьи были похожи на бассетов и грейхаундов (теперь мы называем их салуки). Предполагается, что они являются близкими родственниками шакалов, мусорщиков пустыни. Но самыми любимыми были мелкие, коротконогие собачки, напоминавшие уэльских корги.

Породистые собаки, как и их хозяева, рождались для великой судьбы. О других собаках заботились меньше, их использовали для работы. У фермеров, например, они охраняли урожай и домашних животных, а в просторных кухнях дворцов и богатых домов собаки-слуги терпеливо вращали вертела с жарившимся мясом, до которого не смели дотронуться.

Тем не менее ко всем собакам относились с уважением. Дикие собаки пустыни бегали по улицам, и никто их не прогонял. Умерших собак и других домашних животных мумифицировали, чтобы впоследствии они смогли разделить судьбу своих хозяев. Существовали даже кладбища для кошек и собак. В египетских гробницах было найдено множество мумифицированных кошек, собак и птиц. На стенах гробниц описывались их добродетели, неизменно воздавалась хвала за преданность и охрану хозяина при жизни и после смерти.

Нарисованные на внешних дверях образы черных собак использовались в качестве дополнительной защиты захоронений, там же высекали обращенные к собаке молитвы. В Египте у собак был даже собственный город – Цинополь, «город собак».

В одной из могил было найдено хвастливое заявление: «Я заботился об ибисах, коршунах, священных кошках и собаках, похоронил их в соответствии с ритуалом, обмазав маслами и завернув в ткань».

Охраняемые своими свитами из людей и животных и имеющие полную свободу передвижения, принц и его юная подруга всю наслаждались удовольствиями великого дворца и

великого города. Они принимали участие в придворных развлечениях, изучали ритуалы, которые позже им предстояло исполнять в великом соборе Амона на противоположной стороне реки, катались на колесницах с царственными родителями по узким улочкам Фив – города, переполненного людьми и богами. А вокруг Фив, куда ни глянь, простиралась огромная Египетская империя, которая будет им принадлежать после того, как они покинут спокойный мир своего детства.

Счастливейшие часы они могли проводить в дворцовых садах. (Все египтяне любили сады, созданные для красоты, любви и удовольствия и для тех удачливых стариков, которые могли наслаждаться бездельем.) Им принадлежал великолепный дворцовый парк, за которым заботливо ухаживала армия садовников, слуг и рабов под руководством внушительного главного садовника. Посреди парка был выкопан пруд, окруженный фиговыми деревьями и финиковыми пальмами, а также редкими деревьями, кустарниками и цветами из заморских стран. Детей забавляли ужимки обезьян и бабуинов на деревьях, страусы, жирафы и другие удивительные животные, которые являлись частью дани, посылаемой отцу Эхнатона неграми Кордофана. Страусов держали в клетках, так как они могли быть опасны, так же как и львов, чей рев перекрывался лишь мычанием гиппопотамов, живших в пруду, где огромные неуклюжие животные занимались своими исполинскими играми.

Другим излюбленным местом развлечения был Нил.

У детей были свои собственные маленькие, сплетенные из камыша декоративные лодочки. Плавая среди зарослей папируса, вооруженные детскими шестами, сетями и гарпунами, они наполняли корзины рыбой, которой было столько, что вода в реке казалась серебряной. С луками, стрелами и бумерангами они охотились на уток и другую водную дичь, тучи которой, поднимаясь из тростника, закрывали солнце над Нилом.

Воистину, они росли в неприкосновенном раю.

У мальчика были игрушечные рогатки, подобные тем, что брали с собой в битву солдаты его отца. Однако если зарядить их свинцовыми пулями, они могли убить и человека, но он стрелял лишь комочками глины в птиц. Его царственный отец, дед и другие предки были отличными лучниками и охотниками, но Эхнатон никогда не отличался на спортивном поприще.

Он был задумчивым, мягким и нежным мальчиком.

Он мог бы стать и таким мужчиной.

Берега Нила, где они играли, зеленели похожими на перья листьями папируса, который в наше время почти исчез. Река текла зеленой лентой через находившиеся в Верхнем Египте Фивы и дальше, через сердце Египта, на север, или в Нижний Египет.

По обеим сторонам ее простиралось царство, которое этим двоим суждено было унаследовать.

Египтяне называли Египет «Томери», что означало «любимая страна».

Для египтян вся жизнь заключалась в Египте. Были ли другие земли так же безопасны, культурны и цивилизованны? Они об этом не знали. Они ничего не знали о других цивилизациях, таких, как Китай и Индия, медленно развивавшихся на Среднем Востоке.

Их длинная и узкая страна, с обеих сторон ограниченная пустыней, была колыбелью первой цивилизации.

В наше время существует новая и постепенно набирающая силу теория, что именно Египет был тем первым (или одним из первых) садом Эдема, где доисторический человек впервые поднялся на свои волосатые ноги. Позже эти люди начали строить хижины из тростника, смешанного с илом, делать топоры из камня и обрабатывать землю деревянными орудиями.

В целях безопасности семьи начали жить вместе, а хижины стали строить группами, засеивали поля, одомашнивали скот, появились поселения, члены которых занимались сельским хозяйством. Так на берегах Нила родилась цивилизация.

Это случилось в период неолита, за четыре-пять веков до рождения Христа.

В «Кузнице цивилизации» Леонард Коттрелл писал, что до четвертого тысячелетия до н. э. цивилизации просто не существовало. «Восемью веками позже одна из них зародилась в Египте... а еще через пятьсот лет другая, шумерская, цивилизация – в Нижней Месопотамии».

Две эти долинские цивилизации развивались независимо друг от друга. В обеих правили цари, их подданные поклонялись многим богам, занимались сельским хозяйством, изобрели алфавит и письмо, научились использовать металлы и строить корабли. Египет был более сильным и стабильным. До восемнадцатой династии его ни разу не завоевывали, тогда как шумерам, Акадии и Вавилону нередко досаждали враги.

Теперь, во времена детства Нефертити и Эхнатона, династический Египет достиг безопасности, процветания и достатка, которыми ему не суждено было наслаждаться впоследствии. Культурный скачок из каменного века был настолько велик, что он явился одним из самых удивительных событий в развитии человечества. Фактически древние египтяне значительно дальше отстояли тогда от каменного века, чем мы сегодняшние – от их времени.

Их эрой была империя. Жизнь в ней текла по накатанной колее, как и в предшествующее тысячелетие.

Плодородная земля интенсивно культивировалась. Насколько хватало глаз, вверх и вниз по реке тянулись поля, засеянные пшеницей, ячменем и другими зерновыми культурами, фруктовые сады и огороды, за которыми ухаживали рабочие, пользовавшиеся деревянными инструментами. Все посадки орошались каналами, проведенными от Нила.

С помощью кос, теперь уже обитых медью, косцы убирали зерновые, из которых готовили хлеб, и ячмень, из которого варили пиво. Собирали папирус, чтобы сделать из него бумагу. Коз и овец выращивали на мясо и шерсть; в такой жаркой стране, как Египет, носили довольно мало шерстяной одежды, поэтому в основном шерсть использовали для набивания матрасов, подушек и плетения драпировок на стены. Обширные территории были засеяны льном, из него делали прохладные, простые, состоящие из одного куска ткани одежды, которые носили все.

Духовенство, знать и царь имели свои клейма, которыми клеймили принадлежавший им крупный и мелкий рогатый скот. У них были стада овец, коз и свиней, а также мясники, забивавшие их для обеда или жертвоприношения.

Страна все еще была сельскохозяйственной, но неолитические фермерские сообщества уже превратились в города, и величайшим из них были Фивы. Они были столицей Египта, а Египет был ведущей державой мира.

Благодаря энергии предшественников Эхнатона Египет превратился в сильнейшее государство. Как центр международной торговли, он был открыт для всех культур, все окружающие земли платили ему дань и почитали его. Он простирался от Евфрата в Северной Сирии до Судана на юге.

Двое наших детей мало знали о землях, лежащих за пределами их собственных. Они слышали о Нубии, где отцу Эхнатона пришлось наказывать враждовавшие племена, когда мальчику исполнился год, и о Пунте на юге, откуда привозили любимые духи Нефертити и фимиама, окуривавший их головы, когда они участвовали в богослужении вместе с царской семьей в великом храме Амона. Они знали, что где-то «ниже» по Нилу, к северу, существовал Нижний Египет и города не менее великие, чем Фивы, называвшиеся Мемфис и Гелиополь, они знали о великих пирамидах на севере. Они знали, что дальше лежит Средиземное море и остров со странным названием Крит; к северо-востоку, в Месопотамии, находилась Митанни, откуда происходили прекрасные принцессы, а к западу располагалось таинственное Зеленое море (Атлантика), которое, как всем было известно, было водной границей земли. Там мир кончался.

Двое фиванских детей могли слышать рассказы и о других городах. Они знали о Вавилоне, Ниневии и Тире (все – обреченные на разрушение, как в свое время и Фивы). Они могли

слышать про маленький, но важный окруженный стеной торговый пост, на месте которого четыре века спустя царь Давид заложит город и назовет его Иерусалимом.

Но ни один город не мог сравниться с Фивами.

Когда-то их превосходил Мемфис на севере, но он потерял свою силу. Теперь, вот уже шестьсот лет, столицей Египта были Фивы, крупнейший и богатейший город в мире, центр мировой власти.

Это был первый крупный центр культурной и деловой жизни.

Он был красочным, вечно переполненным людьми, со множеством повозок и торговцев. Весь известный среднему египтянину мир делился на Египет и вассальные земли. Из вассальных земель приходили корабли, привозившие дань, и приставали к каменным фиванским причалам. Тир, Сидон, Вавилон и города Ханаана ежегодно платили дань Фивам, но большая ее часть доставалась Амону, чьи богато одетые и украшенные опоясываниями жрецы постоянно толпились в городе.

В то время город был известен как Но-Амон, он был посвящен Амону, высшему богу среди богов Египта.

Дети росли.

Теперь Нефертити могла с восхищением наблюдать, как Эхнатон, вместе с молодыми придворными, участвовал в играх молодежи. Среди египетских юношей была распространена игра, напоминающая гандбол, в которой использовался набивной простеганный кожаный мяч, очень похожий на современный бейсбольный. Вероятно, Эхнатона учили бороться, драться на поединках тупыми палками, поднимать тяжести, участвовать в состязаниях по бегу и учебных боях. Будучи очень молодым, он уже ездил на собственной колеснице и мог участвовать в гонках, в которых соревновалась молодая знать (аналог сегодняшних автомобильных гонок). На колеснице он и охотился – с собаками, луком, стрелами и копьем, что было отличной тренировкой для будущих воинов, поскольку знатные люди сражались не сходя со своих колесниц.

Однако сомнительно, чтобы Эхнатон посвящал все свои мысли войне. Его и Нефертити растили для правления мирной страной. Он был мальчиком, которому предстояло стать мужчиной, умеющим получать удовольствие от женского общества. В годы приближающегося взросления он находился под влиянием своей матери, а ближайшей подругой его среди детей фиванского двора была Нефертити.

Неужели даже тогда фиванцев не интересовало, кто была эта девушка? Являлась ли она загадкой для египтян, увидевших ее в первый раз сразу же в качестве нареченной молодого принца, который со временем стал их царем? Впрочем, они могли знать правду о Нефертити. Однако позже все упоминания о ней были утеряны вплоть до того дня, когда ее бюст был обнаружен в Амарне.

Эксперты выдвигают различные теории ее происхождения. Аналогичные вопросы и теории они выдвигают относительно происхождения матери Эхнатона, очаровательной царицы Тиу.

Некоторые из авторитетных исследователей считают, что обе они были принцессами из Митанни. Теория эта появилась на основании любопытного политического соглашения, заключенного между Египтом и Митанни задолго до рождения обеих женщин.

Ранее, во времена восемнадцатой династии, между двумя странами существовала длительная вражда. Более ста лет египетские пограничные форты пребывали в состоянии постоянного напряжения. Но в начале становления империи, во времена правления Аменхотепа II, Месопотамия оказалась под угрозой вторжения своих вечных врагов – вавилонян и хеттов. Правители Митанни пришли к заключению, что политика приносит больший доход, чем война, и попросили защиты у всемогущего Египта.

В подтверждение новой дружбы митаннские цари послали вверх по Нилу египетским царям корабли, полные сокровищ. Украшенные барки с яркими развевающимися иностран-

ными вымпелами подошли к длинному каменному причалу Фив, чтобы выгрузить разнообразные дары: редких животных, лошадей, колесницы и рабов. А вместе с ними, как высший дар их царственного отца, прибыли митаннские принцессы, чтобы стать дополнительными женами в гаремах египетских царей. Они стали завершающим штрихом митаннского договора с Египтом.

Три поколения египетских царей женились на царских дочерях из Митанни. Одной из них была бабушка Эхнатона, посланная в Египет своим отцом, царем Митанни Артамата, чтобы стать невестой Тутмоса IV. Там она приняла египетское имя Мутеменя в честь богини правды. Тутмос сделал ее своей «великой царицей», и она стала матерью Аменхотепа III, отца Эхнатона.

Мутеменя была известна своей красотой и добротой. Когда ее сын Аменхотеп избрал Тиу и решил на ней жениться, Мутеменя радушно приняла ее в царскую семью и уделяла ей много внимания. В свою очередь, царица Тиу явно с любовью относилась к девочке Нефертити, которую выбрал в жены ее собственный сын.

Царская семья Митанни принадлежала к арийскому роду индоиранского происхождения. Они поклонялись индийским богам. Таким образом, арийская кровь Мутемену и других митаннских принцесс влилась в кровь представителей восемнадцатой династии, уже и так достаточно смешанную. Следовательно, Эхнатон был частично арийцем. Со времен его дедушки цари Египта и Митанни именовали друг друга «братьями».

В то время, когда подрастали Эхнатон и Нефертити, митаннских принцесс все еще продолжали присылать в Египет. Широко раскрытыми глазами эти двое должны были наблюдать, как царские посланницы любви сходили со своих барок, а за ними следовали красочные свиты из ярко разодетых дам (выбранных, как и сами принцессы, за красоту), сотни слуг и рабов, ведущих редких животных, несущих приданое и свадебные подарки.

Аменхотеп принимал этих принцесс как дополнительных жен, но единственной и любимой, его «великой царицей», была Тиу. Мы знаем, что одна из девушек была послана и Эхнатону, когда он был еще очень молод. Но он мог и не принять этот дар, поскольку во всех сохранившихся документах его единственной любовью называют Нефертити.

Однако присутствие этих принцесс в Фивах настолько запутало историков будущего, что более чем через три тысячи лет возникло подозрение, будто обе женщины, и Тиу и Нефертити, происходили из Митанни, причем обе роли (и Тиу и Нефертити) приписывались одной и той же принцессе.

Это была принцесса Тадукипа, дочь царя Митанни Тушратты, о котором мы еще не раз упомянем в этой книге. Ему нет равных по количеству посланной корреспонденции; в архивах Амарны сохранилось множество его писем сначала Аменхотепу, а позже – Эхнатону. Он послал в Фивы свою сестру и нескольких дочерей, что дало ему право стать одним из самых надоедливых родственников египетского царского дома.

Принцесса привезла с собой внушительное приданое, описанное в амарнских документах, которое включало, помимо обычных сокровищ, большое количество изумительной домашней утвари, в том числе роскошные покрывала. В Египте они стали украшением постелей, поскольку египетские цари спали на искусно вырезанных и позолоченных кроватях, тогда как в Месопотамии даже цари спали, как простые египтяне, на полу.

Митаннские принцессы и их приданое посылались не безвозмездно. Ожидалось, что барки не будут возвращаться порожняком – египетские цари также пришлют им дары. За счет того, что царь Тушратта послал отцу Эхнатона и другую свою дочь, он считал себя вправе предъявлять непомерные требования.

«Мой брат, мой зять, который любит меня и которого люблю я... – писал он царю Аменхотепу, – пусть мой брат, не скупясь, пришлет побольше золота, поскольку в его землях столько же золота, сколько пыли».

И это было правдой. Египет был богат золотом, которое ценилось за красоту – его считали воплощением солнца. В пустыне, в восточных и южно-восточных горах существовали копи, где рабы и наемные рабочие выкапывали, промывали и плавилы золото. Дополнительно золото приходило как дань из вассальных государств – Нубии и Сирии. В результате золото в Египте использовалось всюду: его носили богатые люди, им украшали мебель, колесницы и гробы. Горы золота высотой с трон возвышались перед царями и заполняли сундуки в царских сокровищницах. Дворцы, соборы и надгробия были буквально устланы золотом.

Аменхотеп III послал «большое количество золота», чтобы гарантировать неприкосновенность своих границ. В свое время этот поступок будет расценен как признак ослабления все еще могущественного Египта, и сыну царя Эхнатону придется узнать, что верность купить невозможно.

Приблизительно в то же время в фиванском гареме разгорелся курьезный скандал, о котором мы узнали из амарнских писем. В качестве одной из дополнительных жен царь Аменхотеп взял одну из сестер царя Вавилонии Кадашмана-Бела, написавшего Аменхотепу письмо с запросом, так как посол Вавилонии в Египте пожаловался царю, что он был во дворце Аменхотепа и его не допустили к принцессе. В действительности посол Вавилонии сообщил, что ему показали женщину, одетую как царица, но она находилась на значительном расстоянии, а ему не разрешили подойти ближе, чтобы убедиться, что это она и есть.

В ответ на это письмо царь Аменхотеп, естественно, вспылал. Поскольку посланник был явно «не безгрешен», он предложил послать в Фивы доверенного евнуха, знакомого с уехавшей сестрой.

Больше на эту чувствительную тему не было найдено ни одного письма, осталась только эта не слишком дружелюбная переписка между зятем и шурином.

Среди амарнских посланий было найдено еще одно любопытное письмо от царя Тушратты, написанное царице Тиу, где он просит передать приветы «своей дочери и ее невестке». Это, по сути, единственный намек на то, что у Эхнатона могла быть «дополнительная жена», он также дал основания для легенды, что Нефертити могла быть митаннской принцессой.

Великий египтолог Джеймс Х. Бристед писал, что происхождение Нефертити «таинственно» и что она могла быть иностранкой.

Но он писал это прежде, чем были найдены свидетельства на надгробиях.

До определенных открытий в Долине царей в Фивах и захоронений в Амарне аналогичные теории существовали относительно происхождения царицы Тиу. Хотя между ними пролегло поколение, считалось, что обе прибыли в Фивы как часть митаннской дани и завоевали любовь своих царей.

В каком-то смысле легенда говорит правду. Истории Нефертити и ее свекрови на удивление похожи. Обе женщины возникли из неизвестности, чтобы завоевать любовь первых монархов мира.

До недавнего времени о происхождении Тиу ничего не было известно. Делались попытки доказать, что она – дочь царя Митанни, Сирии или Вавилона. Один из исследователей даже утверждал, что она была сестрой царя Тушратты.

Однако на самом деле мать Эхнатона родилась в бедности. История Тиу – это история Золушки и нищей Кофетуа, случившаяся века до написания этих романтических сказок.

Когда царь Аменхотеп женился на Тиу, он повелел изготовить первые в истории Египта увековечивающие таблички, извещающие об этом союзе. Таблички эти были написаны клинописью и имели форму священного жука скарабея. Должно быть, их было изготовлено огромное количество, так как они были найдены во множестве и в достаточно отдаленных местах, например в Греции.

В противоположность всем царским традициям, происхождение невесты не упоминалось. Таблички просто извещали, что теперь Тиу является «женой великого царя, царской

супругой, великой и истинной наследницей, владычицей многих земель». Естественно, подчеркивание ее высокого положения у любого отбивало охоту намекать на ее сомнительное происхождение. Тиу со дня свадьбы всегда изображали сидящей или стоящей рядом с царем, и ее имя писалось вслед за именем царя во всех официальных документах и на памятниках.

Она обладала признанным влиянием на царя Аменхотепа. Ее власть была абсолютной.

И это то, что бросается в глаза, когда мы рассматриваем портреты и статуи царя Аменхотепа и царицы Тиу. Эта счастливо улыбающаяся, здоровая и красивая пара кажется нам знакомой, настолько они выглядят человеческими, настолько явно восхищены друг другом и своей жизнью. Им повезло в жизни, они были верховными правителями Египта в зените его славы. Позже период восемнадцатой династии назовут «золотым веком», а управление страной будет названо самым мирным.

Даже в высеченных из камня гигантских изображениях проглядывает внутренняя сущность этой царственной пары. Их окружает аура благополучия, тонких чувств и взаимного уважения. Аменхотеп улыбается, но в его манере держаться проглядывает суровость; Гомер напишет о нем как об «одном из лучших воплощений мужчины». Он явно осознает свою огромную ответственность величайшего монарха мира.

Тиу же является земным созданием, наслаждающимся всем, что имеет. Она явно находится с царем на равных. Предыдущих египетских цариц, за небольшим исключением, содержали в восточном уединении и изображали маленькими, размером с куклу, часто обнимающими ногу своего повелителя, что свидетельствовало об их праве на его защиту. Тиу ни на кого не облакачивается. Наклонившись вперед, она сидит в центре трона, удивительно живая, энергичная и восхитительно женственная, само воплощение благодушного очарования. У нее стройное, но крепкое тело, пышущее «деревенским» здоровьем, черты лица отражают веселый характер. У нее искренняя добродушная улыбка, от которой на щеках появляются ямочки, и даже в каменном изображении мы видим, как высоко ценит ее великий повелитель, за которого она вышла замуж, и как высока ее собственная значимость как женщины и как царицы.

Цари восемнадцатой династии отличались превосходным здоровьем и здравомыслием. Тиу и ее супруг были выдающимися людьми. На портретах царица Тиу изображается голубоглазой, со светлой кожей. Светловолосые царицы были в Египте и прежде. Например, в период четвертой династии, в то время, когда строились пирамиды, жили две светловолосые царицы, причем у одной из них были волосы с рыжеватым отливом. В древней египетской легенде рассказывается о знаменитой светловолосой куртизанке.

Подобные женщины и Тиу могли происходить из считавшегося вымершим племени голубоглазых людей, которые много веков назад переселились в Египет из Южной Европы.

На портретах Тиу мы видим те качества, которые позволили ей завоевать любовь первого царя мира. Но мы не знаем, как это сильное существо, не имевшее высокого социального положения, оказалось замеченным царем Аменхотепом, о ее происхождении ничего не было известно до раскопок в Долине царей в Фивах, произведенных в 1905 году.

Там, в месте, отведенном для царей, Теодор Де-вис обнаружил прекрасное захоронение, относящееся к восемнадцатой династии, в котором были похоронены мужчина и женщина, явно не знатного происхождения.

Судя по надписи, эти двое были простыми людьми, без каких-либо титулов и заслуг. Их имена были Йуйа и Туя (другое написание – Тиу).

Это были отец и мать царицы Тиу, дедушка и бабушка Эхнатона. Отец Тиу был жрецом. Брата Тиу, Анена, Аменхотеп сделал одним из высокопоставленных жрецов Амона.

Высочайшей честью, которую фараон мог оказать тем людям, которые были ему дороги, было построить им при жизни дорогую гробницу и забальзамировать их тела после смерти. Любовь, которую Аменхотеп испытывал к своей жене, и уважительное отношение к ее родителям выразились в гробнице, которую он приготовил ее отцу и матери. Погребальные предметы,

найденные в их могилах, давали наилучшее представление о роскоши времен восемнадцатой династии – до тех пор, пока не была найдена гробница царя Тутанхатона.

Эхнатон являлся потомком длинной череды предков, отличавшихся агрессивностью, которая, в случае его отца, сочеталась с великой способностью любить. Эхнатона и Нефертити воспитывали в атмосфере глубокой любви. В каждом монаршем действии Аменхотепа III была заметна его глубокая привязанность к Тиу, бывшей его доверенным лицом, его другом и его царицей. Сильный, любящий и добрый, он служил образцом верности для молодого принца, будущего царя Египта.

Правление Аменхотепа III, как и его домашняя жизнь, протекало спокойно и безмятежно. Лишь однажды, когда Эхнатону исполнился год, Аменхотепу пришлось исполнить роль воина, взобраться на золотую колесницу и повести армию на юг, в Нубию, чтобы разрешить конфликты между ее племенами. Он вернулся с большой добычей и семьями черными рабами, хотя сама победа явно не стоила лживых панегириков жрецов Амона, моментально поднимавших свой голос, как только речь заходила о дележе добычи.

Царь Аменхотеп не стремился воевать, однако был большим любителем охоты на львов и диких быков. После войны охота всегда была самым любимым занятием предков Эхнатона. Он и Нефертити должны были помнить, как в детстве они наблюдали отъезд царя Аменхотепа из Фив на царское сафари. Провизию, колесницы для охоты и другое снаряжение, лошадей и собак грузили на корабль, и царь со своими сподвижниками из числа знати отправлялся вверх или вниз по Нилу – в такое место, где эту дикую игру можно было бы беспрепятственно наблюдать. Однажды отец Эхнатона за один день убил 170 диких быков; упоминается также, что за свою жизнь он убил более ста львов. Он убивал их из лука, со своей колесницы, и этот спорт был не для слабых.

В описаниях охоты рядом с именем Аменхотепа мы находим имя царицы Тиу. Подозревают, что энергичная мать Эхнатона сопровождала мужа в этих опасных поездках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.